



Жар-птица

(Волшебная сказка)

1

Жил на свете Данило-охотник, у князя на службе состоял. Однажды возвращался он с охоты домой. На богатырском коне. А уж ночь на землю опускается. Прошлогодня полянь сквозь снег, как щетина, торчит, и ветер по полю позёмку¹ носит. А изда-дека-далека волчий вой, голодный, слышится...

Чует охотник, не выбраться ему до темноты на прямоезжую дорогу. Видно, в чистом поле заночевать придётся. Остановил Данило коня, из-под руки по сторонам озирается, а всё равно не видать ни зги. Снег глаза слепит. Глядел, глядел до рези в очах, и вдруг... эва, никак огонёк светится? Или почудилось ему?

— А ну-ка, Сивко-Бурко, поворачивай! Может, к постоялому двору при-бьёмся.

Развернул Данило своего коня богатырского. Плетью над головой свистнул. Только снежная пыль на том месте взметнулась, да конский поскок по про-мёрзлой степи дробной рысью отозвался. Ехал-ехал Данило на свет, и вдруг... на поляну выезжает. Глазам не верит. Что за диво-дивное? В чистом поле зима лютая, снег метёт, вихрями завивается, а тут — лето красное! Буйная зелень вокруг. Птицы свистят. И цветы на ветвях распустились. Светло, как в полдень.

¹ Позёмка — снег, переносимый низовым ветром зимой при отсутствии снегопада.

Спешился Данило. Озирается. Откуда-то от земли свет идёт. Наклонился, рукой в разнотравье пошарил и перо поднимает. Не простое перо, Жар-птицино! Сам диву даётся. Слышать про это чудо много слышал, а видеть ни разу не доводилось. Долго любовался. Но тут Сивко-Бурко не выдержал и говорит:

— Не бери, хозяин, это перо. Беду себе наживёшь.

Но Данило только головой покачал.

— Нет, Сивко-Бурко, на сей раз слушать тебя не стану. Это перо я самому князю в подарок поднесу. А уж он за верную службу наградить умеет.

— Эх, хозяин, как бы тебе вовсе головы не сносить.

— Хватит каркать, волчья сыть¹, травяной мешок! Да неужели я это дивовидное в чистом поле брошу? Ступай, пасись до утра. А завтра, чуть свет, в путь тронемся.

2

Назавтра, ближе к полудню, Данило-охотник уже в крепостные ворота стучит. Гей, стража! Отпирайте, дескать. И напрямик на княжий двор своего коня правит. На резное крыльцо взбежал... нет никого в тереме! В покои княжеские входит. Озирается. Где-то князь пресветлый, не в отъезде ли? И слуги все, будто по углам попрятались?

Тут боярин думный навстречу с широкой лавки встаёт.

— Стой, холоп! Ты куда в грязных сапожищах с немытой рожей прёшь? Или плетей захотел?

Осерчал Данило.

— Я тебе не холоп, боярин. Мне ко князю в любом виде в любое время дозволено. Отойди, не то зашибу ненароком.

— Не сердись, Данило, — боярин отвечает. — Обознался впотьмах. Светлый князь сегодня не в духе. Видеть никого не желает. У себя в спальне с утра заперся. Я и сам тревожить боюсь.

— Да что стряслось у вас, пока я на охоте был?

Сдвинул боярин высокую шапку на нос, долго в затылке скрёб. Как и сказать-то не знает.

— Князь думу думает. А про что, никому неизвестно.

Данило только руками развёл. А боярина уже подозрение взяло: Данило-охотник в княжеских покоях нечастый гость. Без дела не ходит. Как бы выспросить половчее, что за дело у него такое?

— А к князю тебе зачем надобно? — спрашивает.

— Да вот, дичи к князьему столу настрелял. И потом... дело у меня к нему.

— Говори своё дело. Я князю доложу, когда позовёт.

Задумался Данило. Вроде не с руки через боярина перо князю отдавать. Но притомился с дороги молодец, седьмые сутки дома не бывал. Не сидеть же здесь до ночи, пока князь думу надумает.

— Эх, так и быть! Слушай тогда, боярин. Еду я вчера полем, а ночь уже, ни зги не видно. Снег глаза слепит. Вдруг... поляна посреди поля, с эту вот

¹ *Сыть* — еда, пища, корм.



горницу. Птицы поют, трава-мурава, цветы кругом. Лето красное! И светло, будто в полдень. Гляжу, а в траве перо лежит. Жар-птицыно!

С этими словами стащил Данило-охотник шапку с головы и из подкладки перо достаёт. Враз вся горница осветилась, а из дубовых резных колонн на глазах ветки начали прорасти, зелёные, с листьями. Птицы поют. У боярина так челюсть и отвисла.

— Хочу я это перо, боярин, светлomu князю подарить. Пусть сердце потешит. Завидно боярину стало. Даже с лица потемнел.

— Какой же это подарок, — отвечает, — коли ты в княжеских угодах перо нашёл? Перо светлomu князю по праву принадлежит. А что не украл да не утаил, за то спасибо тебе.

Спрятал боярин перо за пазуху.

— Так и быть, передам князю подарок. Как из спальни выйдет, сразу и передам. А дичь, убойнку¹, ты, Данило, на кухню поварёнкам снеси. Пусть жарят, парят, пекут. К обеду чтобы готово было.

— Скажу. Да и ты скажи князю, не забудь.

Натянул Данило шапку на брови, да и вышел вон. Только глазами в дверях сверкнул.

Боярин по горнице из угла в угол расхаживает, никак не нарадуется. Вот удача так удача! Сама в руки плывёт. В награду за это перо он у князя десять деревень с людишками сможет выпросить. И соболей, и золота... немерено! То-то сердце распотешится! Вдруг, глянь: сам князь из спальни выходит. Мрачен с виду, голова на грудь опущена. Никого перед собой не видит. Боярин шапку поспешно сдёрнул. В кулак покашливает... знать о себе даёт.

Услышал его пресветлый князь.

— Кто тут? А... это ты, боярин. Говори, коли дело есть.

— Хотел узнать, светлейший князь, не надобно ли тебе чего? Только прикажи, из-под земли достану. Живота своего не пожалею.

— Эх, боярин! — Князь головой покачал. — Лютой зиме конца не видно. Скот от бескормицы дохнет. Морозная язва моих людишек по городам и весям² косит. Как злую беду одолеть, ума не приложу.

Обрадовался боярин: момент подходящий. Как раз его лыко в строку будет.

— Не вели, — говорит, — князь, голову рубить, вели слово молвить. Может, помогу беде.

— Дело скажешь, награду по-царски. А за глупость пеняй на себя. Ну?

— Слушай тогда, пресветлый князь. Еду я вчера с охоты полем, а ночь уже. Ни зги не видно. Снег глаза слепит. Вдруг... поляна посреди поля, с эту вот горницу. Птицы на деревьях поют. Цветы, трава-мурава. Лето красное! И светло, будто в самый полдень. Гляжу я под ноги: в траве перо лежит. Жар-птицыно!

С этими словами сунул боярин руку за пазуху и перо достаёт. Враз горница засияла. Из дубовых колонн ветки полезли зелёные. Птицы со всех сторон свистят, красному лету радуются.

¹ Убойна — мясо убитого животного.

² Весь — деревня, село.



— Решил я, светлый князь, это перо тебе доставить. Люди добрые говорят: кто пером владеет, оно тому человеку счастье приносит.

Не сразу князь в себя пришёл. Диву даётся.

— Сколь на свете живу, чуда такого не видывал. Должно быть, от само-го Ярилы-солнышка весточка? — И боярина похвалил: — Вот это служба так служба!

Но недолго князь подарку радовался. Покрутил перо в руках, поразглядывал и на стол бросил. Ровно негодную щепку. Сам в красный угол сел, на дубовое креслице. В сторону глядит. Боярину это, конечно, невдомёк показалось.

— Что, светлый князь, опечалился? Или тебе подарок не по сердцу?

— Взгляни в окно, боярин. Что видишь?

Подошёл боярин к окошку. Головой из стороны в сторону крутит, плечами пожимает. Чего там увидишь, дескать? Сугробы по самые окна намело. Позёмка стелется. Зима, словом.

Князь далее спрашивает:

— Может, где трава из-под снега пробивается?

— Нет, ни былиночки. Снег один.

— Стало быть, проку от пера никакого. Мне одному в горнице такое счастье не надобно.

Согласился боярин, когда поразмыслил.

— Оно так, — говорит. — От малого пера и проку мало. Вот если бы Жар-птицу случилось найти...

Тут князь и поймал его на опрометчивом слове:

— Найди, боярин! Коли найдёшь, проси в награду, чего душа пожелает. Отказа тебе не будет. До самых ноздрей золотом осыплю.

— Помилуй, пресветлый князь! — взмолился несчастный. — Да где ж искать её, эту птицу?

— Перо сумел найти, значит, Жар-птицу добудешь. А нет, на плаху отправлю!

И пальчиком державным, в брильянтах, в окно на лобное место¹ боярину указал. Там, в деревянном пне, окровавленном, величиной в три обхвата, палаческий топор круглый год торчит. Вора и расхитителям государевой казны в назидание.

Вышел боярин от князя понуренный. Сам себя бранит за глупость. Зачем, дескать, к князю с этим пером сунулся? Вот дурень так дурень! Ну да ладно. Попробую другого дурня, похлеще, на своё место сыскать.

— Гей, слуги! — с крыльца кричит. — Позвать сюда Данилу-охотника!

Приводят слуги Данилу.

— Зачем звал, боярин?

— Худо дело, Данилушко. Не обрадовался князь твоему подарку. Ногами затопал, закричал: коли сумел Данило перо найти, значит, и Жар-птицу добудет. Так и передай.

У Данилы-охотника глаза на лоб полезли.

— Помилуй, боярин! Да где мне её искать, эту птицу?

¹ *Лобное место* — возвышенное место казни, эшафот, плаха.



— Где хочешь, там и ищи. А не добудешь если, князь обещал на плаху тебя отправить.

Совсем опечалился Данилушко. Видно, правду люди сказывают: возле царя — возле чести, возле царя — возле смерти. Ну да делать нечего, надобно в путь-дорогу собираться.

3

Сел Данило-охотник на богатырского коня и поехал Жар-птицу искать. Как князь велел. А куда едет, сам не знает. Голову на грудь повесил.

— Эх, Сивко-Бурко, зря я тебя не послушал, тогда и беды бы не нажил. Где искать эту Жар-птицу, ума не приложу.

— Не горюй, хозяин. Голова твоя не завтра с плеч свалится. Авось да отыщем Жар-птицу.

Ехали они, ехали, вдруг... чу! Конский топот за спиной Даниле почудился. Кличет кто-то по имени. Остановил Данило коня, назад из-под руки вглядывается. А Сивко-Бурко ушами прядёт, ноздрями ветер ловит.

— То боярин за тобой гонится. Третий день догнать не может.

Спешился Данило-охотник. Коню торбу с ячменём на шею повесил. Боярина поджидает. Узнаем, дескать, Бурко, чего боярину надобно? Ждут-пождут, конский топот всё слышнее становится. Полдня не прошло, и впрямь боярин на взмыленном скакуне настигает. Да с ходу ещё полверсты мимо пролетел. Назад коня разворачивает.

— Тпру-у! Насилу догнал.

— Уж не сменил ли светлый князь гнев на милость? — Данило спрашивает.

Боярин только рукой махнул.

— Куда там! Не верит тебе князь. Послал меня присматривать.

Вздыхнул Данило-охотник.

— Да разве я вор или разбойник какой?.. Ну да Бог ему судья. Поехали, боярин. Вдвоём веселее.

Поехали они вдвоём, бок о бок, стремя в стремя. А Данило ещё и гусельки пощипывает, чтоб не тошно ехать было. Песню поёт:

...А от стольного града
Расстоянице:
Если пеши идти,
Будет целый год.
А конём поехать —
На три месяца,
Чтобы кони были
Переменные.
А прямой дороженькой
Там проезда нет,
На прямой дороженьке —
Горы высокие,
На прямой дороженьке —
Леса дремучие,
И болота там

